

САНКАЕВА ТАТЬЯНА ВЯЧЕСЛАВОВНА,
ЯРОЦКАЯ ЮЛИЯ АЛЕКСАНДРОВНА

МИФОПОЭТИКА ТОПОСА «СКАЛА» В ТЕТРАЛОГИИ В. К. АРСЕНЬЕВА

В представленной статье рассматривается отражение мифологии и ритуалов коренных народов Дальнего Востока в творчестве В. К. Арсеньева. Это значимый для структуры произведений Арсеньева компонент, важный для понимания мировоззренческой концепции автора, выраженной в его творчестве. В статье использованы мифопоэтический и сравнительно-сопоставительный методы.

В результате сделаны следующие выводы: Арсеньев пользуется этнографическим материалом как особым художественным приёмом; он включает мифы и легенды коренных народов Дальнего Востока о скалах в художественный текст, используя часто встречающиеся в аборигенной мифологии образы и мотивы. Для творческого метода писателя характерны антропоморфизм и олицетворение в изображении скал — от научного подхода он уходит к мифопоэтическому описанию.

Ключевые слова: путевой очерк, географическая проза, этнографический подтекст, мифопоэтика, коренные народы Дальнего Востока, легенды.

Keywords: travel literature, geographical prose, ethnographic undertone, mythopoetics, indigenous peoples of the Far East, legends.

Исследовательский интерес к творчеству Владимира Клавдиевича Арсеньева за последние годы значительно возрос. Арсеньев приобрёл широкую известность как выдающийся учёный и путешественник, но он также известен как писатель и автор научно-художественных книг. В своих произведениях он соединяет научное и художественное, вводя в текст этнографические сведения и своеобразный этнографический подтекст [10, с. 135], часто понятный только специалистам.

Мы полагаем, что произведения Арсеньева носят синтетический характер, обладают и научной, и эстетической ценностью. Они были созданы в традиции путевого очерка и представляют собой новую модификацию этого жанрового образования географической прозы [10, с. 16].

В работе мы рассматриваем отражение в творчестве Арсеньева мифологии и ритуалов коренных народов Дальнего Востока: удэгейцев, нанайцев, орочей и т. д. Мы убедились, что этот компонент имеет значение в структуре произведений Арсеньева и важен для понимания мировоззренческой концепции автора, выраженной в его творчестве.

Одним из самых часто встречающихся объектов описания у Арсеньева, с которым связано обращение автора к мифологическим представлениям коренных народов, являются скалы. На них мы и остановимся в данном исследовании.

В книгах В. К. Арсеньева мы выделили три вида описания скал или гор: научное, занимающее в ранних книгах самое большое место, описания китайских мифологических верований, связанных с горными духами и священными горами, а также описания, выполненные на основе верований коренных народов Дальнего Востока. Отметим, что более поздние книги имеют особенность: в них научное описание гор сокращается, больше места начинают занимать описания гор, основанные на мифологии коренных народов. Для книг Арсеньева характерны следующие мотивы, связанные с локациями «горы», «скалы»: скалы предстают как окаменевшие великаны или окаменевшие герои мифов и легенд, прибежище злого духа и чёрта, а также место жительства тигра; скалы являются местом, где происходят жертвоприношения предкам рода; со скалами и горами связаны мотив борьбы и мотив наказания. Скалы являются центром борьбы между добрыми и злыми духами, между великанами за то, кто является хозяином гор и лесов, между силами природы. Одним из важных признаков скал является неизменность в течение времени, несоизмеренного времени жизни человека.

Арсеньев приходит к идее живой, одухотворённой природы. Для него важны взаимоотношения природы и человека, человека и общества. Его интересует, что приносит в природу человек в частности и цивилизация в общем. Он приходит к мысли, что цивилизация — большое зло для природы.

Первая книга Арсеньева «По Уссурийскому краю» (1921 г.) [3] — это описание экспедиции, предпринятой им в горную область Сихотэ-Алиня в 1906 году. В книге присутствуют три вида описаний скал: сугубо научное, описание, основанное на китайской мифологии, и описание, основанное на аборигенной мифологической традиции. Арсеньев описывает многочисленные китайские кумирни, используя этнографические сведения о китайских горных духах и священных скалах. Такие места связаны с образом охотников-китайцев, встреченных на пути, а также с многочисленными запретами и табу, нарушителя которых ждала обязательная расплата. Представления коренных народов Дальнего Востока о скалах встречаются всего дважды, они связаны с образом гольда и отражают архаические мифологические представления о горах как о живых существах, широко распространённые среди народов Дальнего Востока. Здесь же появляется мотив охраны, защиты — кто-то поставил «окарауливать» сопки, и, вероятно, есть от кого «окарауливать». Мотив защиты трансформируется в мотив борьбы, силы и цели которой пока не описаны.

Вторая книга — «Дерсу Узала. Из воспоминаний о путешествии по Уссурийскому краю в 1907 г.» (1923 г.) [2]. Эта экспедиция была продолжением экспедиции 1906 года, и, как заявлял сам автор, книга является продолжением «По Уссурийскому краю».

Этнографическое описание скал и гор у В. К. Арсеньева в книге «Дерсу Узала» связывается уже не только с образом Дерсу Узала, но и с другими представителями коренных народов Дальнего Востока, которые встречались на пути его экспедиций. Если Дерсу всегда присутствует на месте событий, находится рядом с описываемыми скалами, то «удэгейцы» только упоминаются, как когда-то рассказавшие историю о той или иной скале. Ещё одним героем становится солон. Скалы воспринимаются туземными аборигенными героями как опасные места, ведь там жили злые духи, вызывавшие несчастные случаи и служившие причиной гибели людей. По верованиям коренных народов, горы — сосредоточие опасности.

Представления коренных народов Дальнего Востока о горах повлияли и на самого В. К. Арсеньева, который, описывая скалы или утёсы, вслед за ними прибегает к олицетворению.

Третья книга «В горах Сихотэ-Алиня» (1927 г.) [1] описывает прошедшую в 1908 году экспедицию, предпринятую для обследования части территории Дальнего Востока, заключённой в границах: Нижний Амур — на западе, пролив Невельского (Татарский) — на востоке, реки Хор и Самарга — на юге. Цель экспедиции была естественно-историческая, а продолжительность — 19 месяцев (с 24 июня 1908 г. по 20 января 1910 г.).

В книге Арсеньев подробно описывает представления коренных народов, связанные с горами. Скалы предстают как охранники покоя на близлежащих территориях, предки рода, место обитания злых духов. Очень тесно с ними связаны мотив борьбы злых и добрых существ, мотив защиты территории, защиты рода. Арсеньеву любопытно, почему удэгейцы боятся ходить в эти скалы. Он знает их как опытных следопытов и понимает, что их страхи имеют основания. Ему хочется своими глазами увидеть и понять, что же их так пугает.

«Сквозь тайгу» (1931 г.) — самая последняя и самая поздняя книга Арсеньева. Это описание экспедиции 1927 года [4]. Арсеньев описывает места, в которых он уже побывал ранее, научных описаний становится всё меньше, появляются сравнения.

Мифологические представления народов Дальнего Востока о скалах органично входят в повествовательную структуру тетралогии Арсеньева. В «Дерсу Узала» писатель приводит следующую легенду: «Около реки Кольгатео есть скала, удивительно похожая на голову человека. Удэгейцы называют ее “Када-ни”, то есть “Каменный человек”. Дух гор и лесов Онку схватил охотника, превратил его в камень и заставил окарауливать сопки» [2, с. 201]. Удэгейцы считали, что хозяином гор и лесов был грозный дух Онку, помощниками которого являлись менее сильные духи-хозяева отдельных участков местности, а также некоторые животные — тигр, медведь, лось, выдра, кошатка [7, с. 267].

Также в книге «Дерсу Узала» Арсеньев приводит легенды о скалах, связанные с разными духами: «Около реки Пия есть два утеса, “Садзасу мамасани”, имеющие человекоподобные формы. Удэгейцы говорят, что раньше это были люди, но всеильный Тему — хозяин рыб и морских животных — превратил их в скалы и заставил окарауливать береговые сопки» [2, с. 234]. В обоих случаях Арсеньев приводит легенды, в которых происхождение скал связано с деятельностью и борьбой высших сил, подчиняющих себе человека, заставляющих его в виде скалы беречь местность от злых духов.

Духи и великаны часто являются главными действующими лицами в повествованиях гольдов о горах и скалах. С. В. Березницкий отмечает, что у коренных народов Дальнего Востока существуют представления о связи скал с персонажами мифов. Само происхождение скал связано с их богатырями и героями [6, с. 34].

В книгах Арсеньева легенды о великанах встречаются часто. Автор и сам, подобно коренным жителям, ощущает необыкновенность и таинственную силу скал. Так, одна из скал напоминает человеческое лицо: «Удэгейцы называют ее Када-Дэлини, т. е. Каменная голова; это — большой человек (великан), окаменевший и погрузившийся в землю;

иногда он шевелится — тогда вздрагивают горы и глухой шум разносится по окрестным сопкам» [2, с. 167]. В легенде выражено анимистическое представление о том, что в природе всё является живым: окаменевший великан обладает возможностью шевелиться, потому что он жив.

Мифы о великанах, живущих в скалах или поблизости от них, часто встречаются у коренных народов. Так, остроголовые великаны калгама живут одиноко и семьями с маленькими калгамьями в пещерах, в скалах в верховьях рек, в ущельях, в каменистых и скальных местах. В пещере хранится много припасов, орудий лова, одежды и других вещей. Хунгарийские орочи считают, что великан подчиняется главному доброму духу Эндури, умеет шаманить, никогда не уходит далеко от своей пещеры [6, с. 35].

Тумнинские орочи до сих пор обходят стороной несколько мест в тайге, которые традиционно считаются местами обитания великана кадзямю. Другая скала считается одновременно и местом обитания великана, и им самим в каменном виде. Некоторые бикинские удэгейцы и сейчас считают, что на морском побережье, в пещере, живёт злой великан-людоед мангму мафа, который ловит людей и жарит их на костре. На Сахалине, возле нивхского посёлка Катангли, есть сопка, на которой, по мнению местных нивхов, обитают таёжные великаны ге нивгуны [6, с. 34].

У нанайцев существовало предание о Химкир и Вандан — окаменевших людях, богатырях или шаманах, которые преграждают путь злым духам к месту обитания людей [8, с. 137].

Таким образом, в представлениях коренных жителей прослеживается тесная связь между великанами и скалами. Скала является либо окаменевшим великаном, либо местом его обитания, иногда мотивы совпадают.

Арсеньев описывает скалы либо как окаменевших великанов, часто наказанных за что-то, либо как хранителей порядка (не всегда добровольных) на расположенных рядом территориях.

Встречаются у Арсеньева и легенды, в которых фигурирует злой дух Какзаму: «Немного выше устья последней, на левом берегу Такемы, по словам Чан-Лина, есть скалистая сопка, куда удэгейцы боятся ходить: там с гор всегда сыплются камни, там — обиталище злого духа Какзаму» [2, с. 186]; «В скалистых горах, окаймляющих долину реки Че, часто происходят обвалы. Удэгейцы считают эти места обиталищем злого духа Какзаму» [2, с. 134]. Это воспроизведение широко бытовавших верований в то, что в горах обитают злые духи или чёрт. Так, орочи верили, что в горах обитает Амбан — злой дух, который может принимать облик животных или предметов, он мешает людям на промыслах и нападает на одиноких путников, убивает их, а также приносит различные несчастья и вызывает болезни

[8, с. 259]. Некоторые духи связаны с определёнными видами опасностей, например в местах обитания Какзаму постоянно случаются обвалы.

Представления коренных народов о том, что скалы являются местом борьбы добрых духов со злыми, также нашли отражение в книгах Арсеньева: «Один удар грома был особенно оглушитель. Молния ударила как раз в той стороне, где находилась скалистая сопка. К удару грома примешался еще какой-то сильный шум — произошел обвал. Надо было видеть, в какое волнение пришел солон. Он решил, что черт сердится и ломает сопку» [2, с. 175].

«Я взглянул на Дерсу. Он был смущен, удивлен и даже испуган: черт на скале, бросавший камни, гроза со снегом и обвал в горах — все это перемешалось у него в голове и, казалось, имело связь друг с другом.

— Эндули черта гоняй! — сказал он довольным голосом и затем что-то оживленно стал говорить солону» [2, с. 183].

Березницкий пишет, что у удэгейцев существует верховный дух Эндули, безликий дух, создатель мира — общее название 34 духов, которые в течение года следят за порядком и управляют людьми и силами природы [7, с. 378]. Между Эндули и чёртом (Амба) всегда идёт вражда, что и отражено в этом эпизоде книги «Дерсу Узала».

Отражены в книгах Арсеньева и представления о сверхъестественных существах — тиграх, являющихся обитателями скал: «Между реками Че и Цзава, посреди реки Кусуна, высится одинокая скала, которую туземцы называют “Чжеле-Кадани”. Один из удэгейцев заметил на вершине ее тигра. Он лежал на боку без движения. Удэгейцы простояли здесь несколько суток. За это время два раза шел снег. Он совершенно закрыл зверя. Вдруг, к удивлению их, на утро шестого дня зверь поднялся, встряхнулся и стал спускаться к реке. Тогда они поняли, что тигр был мертвым только на время (он может всегда делать это по своему желанию). Душа его (ханя) оставила тело и странствовала где-то далеко, потом вернулась назад, и тигр ожил снова. Удэгейцы испугались и убежали. С этой поры скала Чжеле-Кадани стала тотемной (запретной, священной)» [2, с. 237].

По верованиям коренных жителей, в тайге существуют скалы, пещеры, другие особые места, которые связаны с тигром. Многие из них табуированы. Например, скалы Куты Агдуни — «Тигровые пещеры», расположенные недалеко от посёлка Дальний Кут на реке Иман. Одноимённая скала с пещерой находится недалеко от впадения в Иман реки Вахумбэ. Почитание этой скалы связано с верованием о том, что раньше сюда прилетали сильные шаманы и превращались в тигров. Некоторое время они в образе тигров жили в этой пещере, а потом улетали обратно. Из-за страха перед шаманскими духами скалы угощали с лодки. Впоследствии вокруг этой пещеры родилась легенда о том, что

однажды охотник нашёл в этой пещере клад драгоценных камней [6, с. 35].

У амурских ульчей также встречаются предания, в которых тесно сплетены верования о культе тигра и культе скал. У найхинских нанайцев есть верование о скале Тигровый Дом на реке Нельта, где тигрицы производят на свет потомство. Место это охраняется таёжными великанами калгамами. Люди боятся к нему подходить на близкое расстояние [6, с. 36].

Скалы также почитались как сверхъестественные предки, образы которых были связаны с тигром [7, с. 329]. Нивхи, например, верили в существование Пал Ыз — хозяина гор, который иногда предстаёт в образе тигра. Он являлся родовым божеством и жил на самой высокой горе [9, с. 140]. Возвышенности и тигр постоянно предстают в определённой связи в верованиях коренных жителей. Арсеньев не единожды отразил это в своих книгах. Так, например, он пишет о Сан-Сине — боге сопки. Считалось, что тигр — его собака, и он ездит на тигре как на коне. О Сан-Сине нельзя говорить плохо, для него создавались специальные кумирни из камня [5, с. 336].

Мы полагаем, что в произведениях В. К. Арсеньева можно наблюдать соотношение литературного и мифологического текстов через архетип. Мифопоэтический подход является одним из возможных аналитических подходов к творчеству Арсеньева, он позволяет выявить в произведении наиболее значимые мотивы, образы, идеи. Сориентированный на глубинную культурную память, мифопоэтический подход даёт также возможность создать представление о поэтической картине мира автора. Вопрос о том, как в художественном произведении проявляется мифологизм, напрямую связан с понятием архетипа, то есть изначальными, фундаментальными образами и мотивами, лежащими в основе общечеловеческой символики мифов, сказок и других продуктов художественного воображения, воплощённых в художественном произведении в архетипическом образе, аккумулирующем многовековой культурный опыт, допускающем вариативность, но в то же время узнаваемом и интуитивно воспроизводимом в художественном произведении.

Арсеньев пользуется этнографическим материалом как особым художественным приёмом. Он включает мифы и легенды коренных народов Дальнего Востока о скалах в художественный текст, используя часто встречающиеся в аборигенной мифологии образы и мотивы. Наши наблюдения свидетельствуют о том, что для творческого метода Арсеньева характерны антропоморфизм и олицетворение в изображении природы, в частности скал — от научного подхода он уходит к мифопоэтическому описанию.

Интересным и своеобразным явлением арсеньевской прозы является также этнографический подтекст — факты

или события, которые Арсеньев не объясняет, но которые в целом влияют на композицию и структуру и используются для создания более достоверных и глубоких художественных образов. Этнографический подтекст являет собой некий

архетипический слой в тексте, который воздействует на сознание читателя, он может быть считан и объяснён только специалистами-этнографами и придаёт тексту дополнительные смыслы.

Список использованных источников

1. Арсеньев, В. К. В горах Сихотэ-Алиня / В. К. Арсеньев // В. К. Арсеньев. Собрание сочинений : в 6 т. Т. II. — Владивосток, 2009. — С. 207–451.
2. Арсеньев, В. К. Дерсу Узала / В. К. Арсеньев. — Владивосток : Т-во Изд. «Свободная Россия», 1923. — 255 с.
3. Арсеньев, В. К. По Уссурийскому краю / В. К. Арсеньев. — Владивосток : Тип. «Эхо», 1921. — 280 с.
4. Арсеньев, В. К. Сквозь тайгу // В. К. Арсеньев. Собрание сочинений : в 6 т. Т. II. — Владивосток, 2009. — С. 479–599.
5. Арсеньев, В. К. Шаманство у сибирских инородцев и их анимистические воззрения на природу / В. К. Арсеньев // Вестник Азии. — Харбин, 1916. — № 38/39, кн. 2/3. — С. 335–340.
6. Березницкий, С. В. Священные скалы орочей и удэгейцев / С. В. Березницкий // Четвёртая Дальневосточная конференция молодых историков : докл. и тез. — Владивосток, 1996. — С. 34–35.
7. Березницкий, С. В. Этнический компонент верований и ритуалов коренных народов Амура-Сахалинского региона / С. В. Березницкий. — Владивосток : Дальнаука, 2003. — 484 с.
8. Подмаскин, В. В. Мифологический словарь: коренные малочисленные народы Дальнего Востока России / В. В. Подмаскин. — Владивосток : Дальнаука, 2013. — 246 с.
9. Подмаскин, В. В. Народные знания удэгейцев : историко-этнографическое исследование по материалам XIX–XX вв. / В. В. Подмаскин. — Владивосток : ДВО РАН, 1998. — 228 с.
10. Яроцкая, Ю. А. Научно-художественное творчество В. К. Арсеньева в контексте развития русской «географической прозы» / Ю. А. Яроцкая. — Владивосток : Дальневост. федер. ун-т, 2013. — 235 с.

Материал поступил в редакцию 04.07.2022.

Сведения об авторах:

Санкаева Татьяна Вячеславовна, магистр филологии центра русского языка и культуры Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток).

Контактные данные: e-mail: trishagado@mail.ru; тел. 8-924-321-64-85.

Яроцкая Юлия Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Восточного института — Школы региональных международных исследований Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток).

Контактные данные: e-mail: ulita6@yandex.ru; тел. 8-924-233-20-37.